

Глава 86: Страна волн

Это не значит, что все отношения, особенно между такими подростками, как мы, имели сексуальную составляющую. Но нельзя было отрицать, что в основе успешных отношений должен быть элемент физического влечения. А физически она меня не привлекала - вообще никак.

Причина, по которой я так боялся внезапного признания с ее стороны, заключалась в том, что мне неприятно будет отвергнуть ее ухаживания сразу после нашего душевного разговора. Я боялся, что просто приму ее признание и скажу: "Ты мне тоже нравишься" или что-то подобное из чувства неловкости.

Сказать, что я отвечаю взаимностью на ее симпатию, когда на самом деле это не так, по крайней мере, в данный момент, будет просто глупым поступком. Дать ей полусерьезное оправдание было бы равносильно тому, чтобы обмануть и сыграть на ее чувствах. Это будет просто использованием в своих интересах молодого и наивного ребенка, который эмоционально еще не созрел, чтобы понять, что такое здоровые отношения.

Я не боялся, что она может выдать мои секреты, если я отвергну ее. Хината не была таким человеком... я очень надеюсь на это. Я боялся ранить ее чувства, повредить психику и разрушить уверенность в себе, которую она так кропотливо выстраивала. Именно поэтому, я испытал облегчение, когда она не призналась.

В идеале, я бы хотел постепенно избавить ее от "навязчивой преданности" мне. Что-то вроде этого, безусловно, было нездоровым. Ведь кто знает, как она отреагирует, если я отвергну ее. Обращение к членовредительству или суицидальным мыслям не было надуманным выводом. Нет, я бы никогда не допустил, чтобы это переросло в нечто подобное.

Но в то же время я не был психиатром или психотерапевтом. Я ничего не знал о психологии подростков и о том, как исправить ее нездоровую одержимость мной, которую я нечаянно вызвал. Поэтому сейчас, я мог только делать шаг за шагом, следя за тем, чтобы не усугубить ситуацию. Потому что, если в результате моих действий или даже бездействия девушке будет причинен какой-либо вред, я сомневаюсь, что смогу простить себя.

Вечер закончился вскоре после ее заявления. Наше свидание закончилось тем, что мы остались друзьями, товарищами и членами команды. Что было, пожалуй, лучшим концом, на который я мог надеяться... По крайней мере, на данный момент.

После нашего разговора с Хинатой прошло несколько недель, и внешне ничего особенного не изменилось. Хината стала намного решительнее и увереннее в себе после нашего разговора, и, конечно же, информация о ее статусе изменилась соответствующим образом, чтобы отразить это.

Команда 10 продолжала выполнять миссии, правда, только D-ранга, так как существовало ограничение на количество миссий C-ранга, которые могли выполнять только что окончившие школу Генины вроде нас. Да, это ограничение касалось всех Генинов, не важно на сколько твоя команда способна. А я тем временем, продолжал накапливать EXP от этих миссий, а также от других заданий, генерируемых Системой. Под крылом Асумы, моя статистика и уровень навыков продолжали расти, я изучал новые дзюцу и даже создал несколько собственных навыков.

Чтобы больше не быть таким слепым, я начал регулярно использовать [Наблюдение] на окружающих меня людях. К счастью, никаких других неожиданных признаний, кроме

очевидных, вроде Каори, меня не ждало.

Кстати говоря, я иногда находил время, чтобы пообщаться с ней.

После того, как Сакура провалила экзамен на "настоящего" Генина, их с Сакурой определили в неофициальный корпус Генинов, где они вдвоем еще раз прошли тестирование на способности, чтобы деревня знала, куда их распределить и понять их таланты.

В результате Сакура была направлена в больницу Конохи для прохождения стажировки у различных медиков-нинов, работающих там. Деревня решила, что с ее отличным контролем чакры и сильной памятью, путь медика был наиболее подходящим для нее.

Хорошо, что ее талант не был растрочен в другой области. Пусть она и не учится у лучших из лучших, то есть у Цунаде из саннинов, но, надеюсь, когда легендарная королева слизней вернется в деревню, Сакура сможет привлечь ее внимание своим талантом.

А вот Каори... этой прекрасной, заботливой девушке пришлось тяжелее всех. Судя по ее словам, в деревне ее считали полностью лишенной чего-либо похожего на талант. Запасы чакры - жалкие. Контроль чакры, который из-за ее мизерных резервов должен быть превосходным, - низкий. Физические способности - так же были на нуле. Интеллект - ничего особенного. Она - обычный, среднестатистический человек в деревне.

Такова была судьба человека, которого оценили ниже посредственного, не дотягивающего даже до стандартов самых обычных шиноби. Такие люди, как она, были не так уж редки. Люди, которые не преуспели или даже считались посредственными в какой-либо дисциплине. Это было крайне прискорбно, но Синдзи ничего не мог с этим поделать.

Конечно, ему было жаль слушать ее рассказ, и он выразил глубочайшее сочувствие ее участи. Но как он мог помочь человеку, у которого не было абсолютно никаких способностей к искусству шиноби? Даже здесь, он был бессилен.

Посмотрите, например, на Рока Ли. Хоть он не обладал никакими талантами в ниндзюцу и тайдзюцу, он преуспел в боевых искусствах и физических способностях. Не говоря уже о его упорстве и бескомпромиссности, когда дело доходило до тренировок. Его навыки и мастерство в усилении чакры абсолютно превосходили любого другого Генина его возраста, за исключением меня.

Поэтому, хотя над ним и насмехались, считая его бездарным ниндзя, это было абсолютной неправдой. Никто не мог назвать его бездарным, пока не столкнулся с Каори, которая, объективно говоря, была воплощением бездарности.

В результате отсутствия таланта или даже посредственности в какой-либо области, она была назначена на административную должность в Конохе. В частности, в отдел уборки. Официально, она была связным шиноби для отдела, состоящего исключительно из гражданских работников. Неофициально, она была кофейщицей. Та, кто никогда не увидит реальных действий на поле боя, потому что деревня считала ее слишком большой обузой, чтобы служить пушечным мясом.

Кроме того, ей уже было поздно отступать назад. Получая ежемесячную стипендию от деревни и оплачиваемое обучение в Академии шиноби в течение целых четырех лет, Каори в момент выпуска заключила контракт, который обязывал ее выполнить свою часть сделки.

В отличие от других детей, у которых были родители, способные оплатить дорогостоящее

обучение в Академии шиноби, Каори получала эквивалент кабальной стипендии. То есть, если другие шиноби могли уйти на пенсию уже через месяц после окончания обучения при условии подписания эквивалента соглашения о неконкуренции, то у Каори такой роскоши не было.

Пять лет - минимальный срок службы до выхода на пенсию. Десять лет, если она хотела получить щедрую пенсию и налоговые вычеты. Для того чтобы отработать меньше этого срока, требовались изнурительная болезнь или травма, чтобы отменить контрактные годы.

Назвать это рабским контрактом было бы слишком, поскольку она получала соответствующую компенсацию, пропорциональную проделанной работе, а также ежемесячную стипендию и полностью оплачиваемое образование во время обучения в Академии.

<http://tl.rulate.ru/book/56242/1816180>